

Владимир Кирсанов

**АГАТОВЫЙ
ПЕРЕХОД**

18+

Владимир Кирсанов
Агатый Переход

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Владимир Кирсанов

Агатый Переход / Владимир Кирсанов — «ЛитРес: Самиздат»,
2012

Эта история, написанная автором «Трансферта в управляемую реальность», с первых строк, прочно захватив внимание читателя, безжалостно подвергает его нервную систему чудовищным перегрузкам. Обжигающая энергетика текста книги бросает ошеломленного читателя, точно наездника «американских горок», в крутые виражи динамичного сюжета, в котором очень необычно реализуется героиня романа. Отчаявшись найти себя после потери любимого, она готова совершить роковой шаг. Однако необыкновенное появление Духовного Учителя полностью меняет ее решение. От него она узнает, что существует некий тайный план, в котором ей предстоит сыграть ключевую роль. Но сначала ей предстоит пройти особое обучение....

© Владимир Кирсанов, 2012

© ЛитРес: Самиздат, 2012

Содержание

ПРОЛОГ	5
ПЕРВЫЙ СОН ВЕДЬМЫ	12
ПЕРЕЗАГРУЗКА	14
ВТОРОЙ СОН ВЕДЬМЫ	17
КАРМИЧЕСКАЯ ТАЙНА	21
ПОЕДИНОК. ЗАДЕЛ	28
ВСПОМНИТЬ ВСЕ	33
САХМЕТ	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

ПРОЛОГ

Ярость криком рвалась из горла, но бессильно захлебывалась в подступающих рыданиях. Мозг мертвой хваткой вцепился в стоящий перед глазами образ и неустанно транслировал картину, приносящую боль, которая раздавливала, ломала все изнутри. Может быть, слезы смогли бы прорвать плотину сухих рыданий, но слез не было, и боль становилась невыносимой. Нахлынувшие чувства распирала Агату, ей хотелось упасть и кататься по полу, отчаянно молотя по нему руками и ногами, но последними усилиями воли она сдерживала себя. Наверное, надо было куда-то позвонить, что-то сделать, надо было прекратить этот нескончаемый кошмар. Но изворотливый ум с иезуитской жестокостью опять нарисовал перед мысленным взором до боли знакомую мужскую фигуру и фигуру молодой женщины. То, как он шел рядом с ней, как при ходьбе касался ее тела, как жестикулировал, рассказывая своей спутнице что-то, видимо очень забавное, давало ей по-женски безупречно точное и очень гадкое, как прикосновение к змее, чувство измены...

Наконец, глубоко, в груди что-то хрустнуло, словно сломавшись, из глаз безудержным потоком хлынули спасительные слезы. Случившееся было неожиданным, как выскочивший на ночную дорогу испуганный лось. Ни объехать, ни затормозить. И ей оставалось только идти навстречу, набросив на лицо маску презрительного равнодушия. А в расширившихся, от распускающей свои ядовито-острые лепестки ревности глазах, уже леденела печаль неотвратимого расставания.

Олег не сразу увидел ее, а, увидев, не сразу узнал. Потому что её лицо изменилось неузнаваемо став похожим на застывшую посмертную маску. Встретившись с Агатой взглядом глаза в глаза, он по инерции еще что-то продолжал, улыбаясь договаривать своей спутнице, а зрачки уже пугливо забегали по кривой траектории обмана, в поиске сладкой отравы лживых слов, объясняющих пикантность ситуации.

Всегда ожидание смерти много хуже самой смерти, ум человеческий среди всех возможных путей реализации тех или иных событий особенно живо погружается в картины пессимистические и разрушительные. Катиться с горки всегда легче, чем карабкаться вверх. Генерирование радости и оптимизма в восприятии мира, безусловно, требует некоторых усилий и главное – осознанности происходящих вокруг человека событий. Окунув себя с головой в мир горестных переживаний, важно вовремя выйти из этого состояния, пока оно не стало преобладать в стратегии внутреннего диалога.

В тот вечер Агата ждала и боялась его звонка, как будто в чем-то была виновата, но телефон молчал, и это молчание тяжелым прессом выдавливало из души все силы. Напряжение достигло такого внутреннего накала, что мобилизовались защитные силы организма, у нее вдруг возникло ощущение иррациональной отстраненности от окружающего мира. Так иногда бывает во сне, когда вдруг осознаешь, что переживаемый кошмар всего лишь сон, после чего сразу появляется чувство безопасного отлучения от потно-липкого ночного ужаса. Она обнаружила себя сидящей на полу, вещи были разбросаны в паническом беспорядке. Рыдания перестали сотрясать ее тело, и в наступившей тишине Агата отчетливо ощутила, как с каждой уходящей минутой, разваливалась, ломаясь на куски, вся её чудесно распланированная жизнь.

Прошло несколько бессмысленных и суетных дней, наполненных тревожным ожиданием. Окружающие стали замечать, как вдруг резко она подурнела. Под глазами залегли темные круги, уголки губ горестно опустились. Она как-то вся съежилась и потеряла свой живой лоск. Будучи погруженная с головой в безостановочный мысленный разговор с ним, она не замечала этих метаморфоз на своем лице. Однако, набрасывая привычный утренний макияж, скорее

интуитивно, чем осмысленно старалась подчеркнуть угасшие глаза и заретушировать вдруг появившиеся морщинки так заметно старевшие ее.

Олег появился внезапно. Его въезжающую во двор машину Агата увидела, когда по счастливой случайности решила покурить у окна. Мгновенно охватившее волнение лишило всякой логической последовательности её действия. Метнувшись испуганной белкой в комнату, она на ходу сорвала с себя домашнюю одежду и застыла ошалело перед утробой вместительного шкафа. Лихорадочно перебирая вещи руками, выбрала свое самое последнее, безумно дорогое, приобретенное специально для него платье, впрыгнула в него и закрутилась волчком, пытаясь застегнуть длиннющую молнию на спине. И вдруг замерла, осознав всю нелепость своих приготовлений. Мучительная боль, затаившаяся на время, вдруг резанула острой бритвой по оголенным нервам. Удерживая эту боль в себе, она замычала как-то утробно и, неловко оступившись вдруг, упала. Раздался сухой треск рвущейся ткани, и от этого звука жалость к себе стала просто невыносимой, она уже была готова разрыдаться во весь голос, но в этот момент тренькнул звонок в прихожей.

– Примешь гостя? – Олег стоял на пороге полный внутреннего блеска и какого-то, всегда сводящего её с ума, мужского шарма и наглой уверенности. Открыв дверь, она, не отвечая, сразу повернулась к нему спиной и пошла внутрь квартиры, приглашая этим движением его за собой. Он точно высчитал срок, когда от пережитого шока и обиды Агата перейдет в состояние ожидания каких-то действий от него. Когда эмоции спялят все переживания, и ей станут нужны какие-то объяснения и извинения, тогда она сможет их услышать.

Вообще, сама ситуация его где-то даже забавляла, он давно уже понял, что относится к жизни, как к игре. А игра всегда была его всепоглощающей страстью. Он, как ребенок, превращал в нее все, к чему прикасался. Игрой для него был не только бизнес, политика, все спортивные увлечения, но отношения с женщинами. И это занятие было самым упоительным и любимым. Нет, он не был легкомысленным или ветреным. И в своей среде его слова и дела имели весьма серьезный вес. И вряд ли кто из его друзей или противников подозревали, что все отношения с ними он строит в виртуальном пространстве его стратегий. Поэтому, комбинационно выстраивая готовые и моделируя новые игровые варианты, Олег одновременно создавал и событийную последовательность конкретного развития тех или иных жизненных ситуаций. Это всегда срабатывало, и ему было забавно наблюдать, как люди, вовлеченные в его головокружительную партию, бессознательно выполняли его режиссерский план. Это было похоже на шахматы, только с невыразимо большим количеством уровней, игроков и игровых комбинаций.

К игре с Агатой он серьезно не относился. Это была, по его мнению, слишком простая партия, поэтому, интригуя скорее себя, он оттягивал момент соблазнения, ожидая появления охотничьего азарта. Так домашняя кошка, компенсируя отсутствие реальной охоты, играет с клубком ниток. Она не знала условий этого вида развлечений своего друга, как не подозревала о существовании самой забавы. Поэтому, ступив на зыбкую паутину сотканых ситуативных лабиринтов, марионеточно точно выполняла все, что задумал кукловод.

Потоптавшись на пороге, что должно было очевидно означать некую виноватую неловкость гостя, Олег прошел вслед за ней. Агата чувствовала, как подкашиваются от внезапной слабости ноги, поэтому, войдя в комнату, поспешила присесть, неловко примостившись на краю дивана. Она не знала, что сказать и почувствовала, что боится любых слов, которые сейчас могли бы прозвучать. Девушка ощущала свои руки трясущимися и какими-то противно лишними, и от этого в затянувшейся паузе с суетливым упрямством искала им какое-нибудь место. Наконец, сцепив ладошки, спрятала их между коленями и замерла, уставившись в пол. Ах, если бы он сейчас подошел и прижал её к себе, шепча на ухо слова прощения, она бы сдала свои позиции тихо и практически безропотно. Слишком тяжела была для нее та ноша, которую

ей выпало носить последние дни. Она её раздавила и ненасытным вампиром до дна высосала все чувства и физические силы.

Он все понимал. Видел её всю, изможденную и поникшую, донельзя опустошенную переживаниями, сожженную в адском пекле ревности. Её детская беспомощность и беззащитность лишили его желания врать и оправдываться. Олег понял, что она знает гораздо больше того, что увидела своими глазами. Её женская прозорливая душа извела даже то, что еще только должно было случиться а, изведав, заохлодела в ужасе. Сейчас её жизнь могла закончиться от его слов, а могла и вновь затеплиться, разгораясь огнем надежды.

Его мужской опыт подсказывал ему, каких слов она от него ждет. Но, он сделал то, что в понятную ей и ожидаемую схему их объяснения не укладывалось никак. Вместо просьб о прощении обиженная девушка вдруг услышала то, что никак не ожидала услышать...

Как любого игрока, Олега, прежде всего, увлекал сам процесс игры, погружаясь в упоительные волны ощущения всемогущества, он, конечно, хотел в конце любой игры видеть себя победителем. Но самое удивительное было то, что он никогда не выигрывал у женщин. Возможной виной этому был детский комплекс, унаследованный от матери – бесшабашной любительницы горячительных напитков и свободной любви. На трезвую голову мать, банально славшаяся после ухода отца, часто срывала на детях свое зло за свою неприкаянную женскую долю. И только пьяная, она слюняво лезла к ним со своими слезливыми ласками. А им, детям, ему – старшему и совсем еще маленькой сестре, было ужасно неловко за нее. Он всем своим детским сердцем стыдливо чувствовал презрение к ней окружающего мира и за это категорически не принимал никакой жалости от него.

Опекать сестру стало для Олега правилом жизни. А она, непутевая, пошла в мать, с такой же изроченностью в женской судьбе. Сестру он любил и жалел, видя, как она тщетно колготится, пытаясь выбраться из водоворота бессмысленных отношений, пустых разговоров и обещаний. Пытаясь математически просчитать и упредить все её ошибки, он всегда сталкивался с чем-то абсолютно неопишуемым, не укладывающимся ни в одну логическую модель. Это иррациональное «нечто» разрывало все его расчеты, в самом, казалось, надежном месте, и превращало их в прах. С его сугубо по-мужски устроенной системой мировосприятия постичь это «нечто» было невозможно. И получалось так, что его ум, мощный до совершенства отточенный аналитический инструмент, не имея определения этого «нечто», не учитывал его ни в одной из своих изошренных комбинаций. Единственный шанс обыграть женщину вырисовывался только тогда, когда женщина самонадеянно высказывала на поле мужских игр. Тут уж все свое преимущество или недостаток, это когда как, она теряла полностью.

...Её волнение было настолько сильным, что передалось и ему. Почувствовав, как неожиданно влажными стали ладони, и участилось биение сердца, он постарался совладать с этими проявлениями слабости.

–Мне не в чем оправдываться. Я перед тобой ни в чем не виноват! – Олег сказал это нарочито медленно абсолютно бесцветным голосом. Потом напомнил ей, что их отношения, это отношения любовников. Тем же скучным голосом он говорил ей все то, что она и без него прекрасно знала. Знала, что у него был второй брак, знала, как привязан и ответственен он за своих детей от всех этих браков, как знала и про то, что сейчас он находился в состоянии трудного развода. Но именно это так тешило её воображение, она видела себя уже в роли пусть и третьей, но законной жены. Сколько раз она представляла себя в свадебном наряде, грезила об их большом свадебном путешествии, планировала их сказочно прекрасную совместную жизнь....

Агата мечтала, и энергия её мечты своей сумасшедшей силой плавила старую канву серой и однообразно унылой жизни. Она была в семье нежеланным ребенком, мать согласилась на её рождение только лишь по медицинским показаниям. Однако, уже находясь в положении,

испугалась, и рожать передумала. Дважды пыталась избавиться от ребенка способом, который и варварским назвать можно было бы с натяжкой. Но эти чудовищные эксперименты успехом не увенчались, и точно в срок она не обрадовала мать своим появлением на свет Божий.

Роль женщины в семье – это роль особая. Здоровье потомства, нравственное и психическое, во многом зависит от матери. Даже самый лучший генетический материал можно блокировать особыми материнскими установками. Мать передает ребенку ту модель описания мира, которой владеет сама, а ей её передала её мать, той, соответственно, её мать и так далее. Поэтому часто говорят о некоем роке или судьбе рода. Однако ни о каком положительном воздействии со стороны, казалось бы, самого близкого человека на земле речи и быть не могло. Все свои бесконечные претензии к миру мать выражала в своем отношении к неудачнику мужу и маленькому ребенку, который, как назло, родился некрасивым и к тому же не очень здоровым. Мать в семье вершила все, а отец, как холоп у барина, не смел и слова сказать поперек воли жены. Поэтому страницы мужского воспитания в памяти Агаты были блеклыми, а то и вовсе незаполненными.

... Отстраненно, как будто все происходило с кем-то другим, она почувствовала, как слова Олега окутали её плотным облаком, парализовавшим волю и способность говорить. Ощущение нереальности происходящего усилилось, уши заложило, как в самолете, и в голове остался тошнотворный гул, сквозь который неразборчиво пробивался его голос. Агате стало казаться, что если она сейчас заговорит, то её обязательно вырвет и, борясь с этими жуткими позывами, она пропустила какой-то вопрос. А он замолк, ожидая ответа, даже не подозревая в каком внутреннем беспорядке, она находится, и как ей сейчас не хотелось бы, чтобы он её состояние заметил. Она вдруг совсем некстати вспомнила то время, когда это чувство нереальности происходящего, посетило её в первый раз в жизни...

Всегда отгороженная от окружающего мира внушенными матерью ощущениями своей неполноценности, лишенная возможности поделиться с близким человеком своим внутренним миром, она замкнулась на своих ущербных выводах о себе и своем месте в этом мире. Конечно, не все гадкие утята становятся лебедями, но в её случае сказка оказалась права. Как-то неожиданно быстро Агата оформилась из лохматой, как куст, дворовой девчонки в высокую статную красавицу с вызывающими мужской восторг формами. Пацаны со двора, с которыми она участвовала во всех их пацанских играх, как-то разом рассосались, да и стали ей совсем не интересны, а ребята постарше робели от её развившейся бурно стати. Подогревая появление новых интересов, разыгравшиеся гормоны стали руководить её поступками. Они и все сформированные мамой подростковые комплексы завели юную девушку в ту компанию, в которой она, впервые выпившая «на слабо» стакан водки, была изнасилована в первый раз.

Агате было очень стыдно и гадко от произошедшего, но боязнь огласки была сильнее этого чувства. Панический страх, что обо всем узнает мать, парализовал её волю, поэтому ни за что на свете она никому ничего не стала бы рассказывать. Только знакомая девчонка, с которой она два раза в неделю ходила в бассейн, заметив её подавленную отрешенность, забросала вопросами и очень скоро выведала, как под угрозой огласки насильники умудрились превратить её в секс-рабыню. Сочувственно предложила познакомить с нужными людьми, готовыми предоставить ей свою защиту. Время было в стране лютое, бандитское и, по словам её знакомой такие вопросы надо было решать только силовым путем. Поддавшись на настойчивые уговоры новой подруги, Агата, как кур в ощи́п, попала в еще более трудную ситуацию. Вот тогда она поняла по-настоящему, что ничего в этом мире бесплатного не бывает, и про сыр в мышеловке, с появившимся вдруг чувством взрослого цинизма, тоже поняла.

Платой за защиту опять стало её юное тело, но была ли эта плата избыточной, она не думала. Тогда все мысли вытеснила еще одна пришедшая к ней беда. За несколько месяцев

до получения аттестата зрелости она с пугающей ясностью поняла, что беременна. Вот тогда и появилось впервые это чувство нереальности происходящего

...По-мужски эгоистично Олег воспринял молчание обиженной подруги на свой счет. Обидчиво поинтересовался об уместности своего присутствия. Но она уже ничего не хотела, старалась и никак не могла сглотнуть комок, застрявший в горле и сделавший её дыхание очень затрудненным. Страдания душевные переросли в физические муки. Агата не знала, что можно было бы сделать, чтобы эта чудовищная пытка поскорее закончилась.

—Я так понимаю, что разговора у нас не получится. Хорошо. Я уйду. — сухо уронил он.

Её молчание как-то обескураживало и напрягало его, он просчитывал совсем другую реакцию. И тогда он сказал, что она, если захочет, может сохранить их отношения на прежнем уровне или завершить их на этой минорной ноте. Олег был уверен, и все его знание женской психологии, поддерживало эту уверенность, что чувство собственного самосохранения у женщин сильнее гордости. При случае он любил повторять древнекитайскую поговорку о том, что обезьяна не отпускает ветку до тех пор, пока не ухватится за другую. Предоставленная им возможность выбора для Агаты была иллюзорна уже хотя бы потому, что выбор был между пистолетом и веревкой. Между тем, такой тяжелый выбор ей уже приходилось однажды делать, как впрочем, наверное, и многим другим женщинам.

Она, тогда совсем еще юная школьница, пошла в женскую консультацию, где все её надежды похоронила предпенсионного возраста тетка-врач. Прокуренным голосом, моя руки после осмотра, она сообщила ей, что срок уже предельный и что, если Агата надумала делать аборт, то делать все надо быстро. Красная, как рак, девушка вылетела из консультации и потом долго бесцельно кружила по тихим улочкам, отыскивала маленькие дворики, чтобы посидеть на изрезанных и затоптанных скамейках, выплакивая на них горестный страх и взрослея быстро от своих уже совсем недетских мыслей. Странно, но тогда ей до нервной дрожи во всем теле, хотелось сладкого, и она в невероятных количествах поглощала конфеты. У нее не было никаких предпочтений, и она, как комбайн, молотила подряд и шоколадные, и карамели, и простые ириски, и сосательные леденцы, главное, чтобы их было как можно больше.

Когда дверь за ним закрылась, Агата, как раненая птица, без сил сползла на пол и, уткнувшись лицом в пушистый коврик, беззвучно заплакала. Когда он стоял в прихожей, ей хотелось, чтобы он ушел, а когда ушел, готова была кинуться следом, чтобы вернуть обратно. И, всхлипывая, прислушивалась напряженно, не вернулся ли он, ждала звонка. Но он не вернулся и не позвонил, а на следующий день улетел в страну её мечты, куда они должны были отправиться вместе.

Кто-то когда-то предположил, что мужчины и женщины, живущие все вместе на одной планете Земля, на самом деле, родом с разных планет. Чем руководствовался автор этой идеи, можно только гадать, но что-то в этом, безусловно, есть, уже хотя бы потому, что женщины и мужчины по-разному осуществляют процесс передачи информации. Мужчин раздражает женская многословная фиксация на малозначимых, с их точки зрения, деталях. Им кажется, что так упоенно пересказывают женщины друг другу, можно было бы изложить неизмеримо меньшим количеством слов и намного быстрее. И непонятно мужчинам, что женщины так многословны оттого, что они просто передают информацию в другом формате, требующим значительно больше слов из-за того, что информация в нем отражена не словами. Вернее сказать, что слова в нем используются только как инструмент для описания эмоций и чувств, но именно эмоции и чувства являются главным носителем информации женского мира. Мелкие детали в эмоциональном описании женщины могут быть для нее гораздо более информативными, нежели лаконичное изложение всего события в исполнении мужчины. Такое стратегически

разное использование слова порождает неистребимое противоречие между двумя половинами человечества. Иногда представители той или другой половины удачно притворяются, создавая у партнера иллюзию, что его или ее понимают, но происходит это, в основном, на ниве решения полового вопроса. Поэтому, когда этот вопрос переходит в стадию решенного, все возвращается на прежнее место.

Когда отношения между мужчиной и женщиной доходят до некоторой незримой черты, за которой мужчина перестает воспринимать женщину просто как сексуальный объект, он начинает интересоваться событиями из её прошлой жизни. Он болезненно глубоко вонзает жало своего любопытства в ту её загадочную часть, в которой каждая женщина, как в старом шкафу, хранит свои страшные секреты. Эти покрытые пылью времени скелеты из шкафа, наверное, Агата сама бы не потревожила, но последовательная настойчивость любимого мужчины заставила её потихоньку рассказать о себе столько и такого, что даже на исповеди ушам священника ни за что не решилась бы открыть. И ей тогда казалось, что этими её откровениями создается новый уровень их отношений. Более доверительный и сердечный. Олег был таким внимательным слушателем, такими сочувственно серьезными были его глаза, что слова лились из нее сами собой. В какой-то мере она даже была благодарна за такое внимание к своей жизни, потому что до этого никому и никогда дела не было, чем наполнен её внутренний мир.

Тогда рассказывая ему о том, что ей пришлось пережить во время аборта и после, Агата заметила, как его лицо по-детски сморщилось и ей показалось, что он сейчас заплачет. Но он вздохнул задумчиво и по её описанию пытался представить себе обстановку медицинского кабинета, кресло, в котором её раскорячили напротив двустворчатого окна, покрашенного белой краской. Внутренне содрогаясь, пытался ощутить в себе холодный металл, больно и жестоко рвущий живую плоть и страх, животный страх до краев заполнивший каждую её клеточку и иссушивший горячечные губы.

Агата рассказала, и это произвело на него самое сильное впечатление, о том, как она молилась в темном закутке коридора поликлиники, перед тем как её позвали в этот страшный кабинет. Как, став на холодный кафельный пол голыми коленками, истово просила у Бога прощения, как молила Его не отвернуться за грех смертный и не оставить её бесплодной, как тряслась бряцая зубами от внутреннего, разлившегося по всему телу холода. Как благодаря кошачьей живучести молодого тела ей удалось в тот же день вернуться домой, избежав тем самым неприятной огласки свершившегося события.

Она говорила и говорила, рассказывая ему обо всем, что интересовало его, но он, практически вывернувший её жизнь наизнанку, все равно чувствовал, что до сути её женской души он так и не добрался. И эта открытая, но все такая же непостижимо-загадочная душа продолжает волновать и манить его к себе. Первоцветом весенним ощущал он чудное дыхание этой души, таким же беззащитным и беспредельно могучем в своем стремлении жить.

Страдания, которые отмеряны человеку в его земной юдоли, даны ему свыше, может быть, для того, чтобы созидательным резцом высечь из спрессованной массы человеческого содержимого требуемую Создателю личность. Но где, в каких анналах, записана мера боли, которую надо вытерпеть, чтобы человек пришел к самому себе и познал свое истинное «я». Принято говорить, что Бог не дает эту меру свыше сил человеческих, возможно, это просто слова утешения, рожденные чьим-то мудрым и добрым сердцем, а возможно, что в этом истина. Как бы то ни было, но жизнь её банально разделилась на две части: до злополучной встречи и после.

Словно попав в трясину, она все глубже и глубже погружалась в свои переживания. Тяжелой монотонностью они гасили все краски жизни, превращая её в бесчувственного робота, вынужденно выполняющего программу – дом-работа, работа-дом. Горько и больно битая, она и раньше никого не допускала в свою жизнь, а сейчас и вовсе замкнулась, как рачок в своем пан-

цире. Но, все же внутренне холодела от мысли, что кто-то, сочувствия ради, может пуститься в расспросы, а она не совладает с собой, не сможет удержать в себе скомканное и запиханное глубоко в душу горе. Поэтому старательно избегала любых бесед на темы личной жизни. Только люди знавшие какой счастливой и светящейся она была, понимали, что в её жизни произошло что-то очень неладное. Но, ощущая невидимый барьер, воздвигнутый ею, были деликатны. Она видела, как они стараются, и паниковала еще больше. Единственным утешителем и собеседником в её мысленных монологах был табачный дым, который с приходом в её жизнь крутых перемен, порой заменял нормальную еду. И стоя как-то возле окошка, через которое вместе с её печальными мыслями уходил в небо сизый сигаретный дымок, Агата подумала впервые о никчемности своего существования. Деловито открыла окно и, глядя вниз на асфальтовое покрытие их двора, спокойно без содрогания подумала, что там часто играют дети и будет нехорошо, если они будут играть на месте, которое станет концом её жизни. Той ночью в ее жизнь вошел Мастер...

ПЕРВЫЙ СОН ВЕДЬМЫ

Её воспитание особой религиозностью не отличалось. Подобно многим людям в трудные минуты жизни она мысленно обращалась к Богу с просьбами о помощи, давала Ему разные честные-пречестные обещания и благополучно забывала о них в периоды жизненных просветов. В её руки попадали книги, посвященные разным концепциям мироустройства, и ей интересно было читать их, но никакой практической пользы от этого чтения она для себя не находила. Она была в меру суеверна, по-детски доверчива, вместе с тем была прозаично уверена, что в её жизни нет места каким-то особенным мистическим чудесам

В ту ночь она легла спать намного позже обычного, и уже проваливаясь в сонное забытие, подумала о том, что как же муторно будет утром расставаться с любимым диваном. От этой мысли сразу ощутила во всем теле тягостную, выламывающую усталость, и в то же мгновение вдруг похолодела затылком, еще даже не увидев, а судорожно сжавшимся телом почувствовав постороннее присутствие. Ужас тяжело придавил её, выключив способность к адекватному реагированию. Мелькнула успокоительная мысль, что, наверное, она спит и ей снится этот кошмар, а она помнила с детства, что от кошмаров можно спрятаться, закрыв глаза. И, следуя этому верному средству, тут же зарылась с головой под одеяло. Но с этим простым детским движением пришло оборвавшее сердце молниеносное осознание, что она не спит и что в комнате действительно кто-то есть.

Агата замерла не дыша. Шло время, гулко бухало сердце, под одеялом становилось жарко, но вокруг ничего не происходило. Попрятавшись, еще некоторое время, она решила высунуться наружу, чтобы подышать и тут же забыла, как это делается, увидев перед собой чей-то темный силуэт. Страх, как выехавший из мрака грузовик, тупой черной массой вышиб из нее сознание и она, отключившись, обмякла, придавив всем телом неудобно подвернутые под себя руки.

Мастер, внимательно следивший за ней, своим намерением, как сачком легко подхватил облачко её рассудочного осознания и, удерживая его, не давал ей очнуться. В этот момент какое-то восхитительное чувство вернувшегося детства тепло и мягко вошло в нее, заставив испытать сладостный восторг. Ощущение полноты жизни, найденного родства с каждым проявлением этой жизни трепетным умилением сладко бились в сердце.

Сейчас девушка была абсолютно счастлива. Она увидела себя где-то в залитой солнечным светом долине среди высоких гор, вершины которых остро упирались в небо своими заснеженными пиками. Пронзительно зеленые травы, источавшие томительное благоухание, завораживающий звук какого-то музыкального инструмента заставил её память встрепенуться в радостной готовности вспомнить что-то очень далекое, но такое важное, что без этого, казалось, дальнейшая её жизнь потеряет всякий смысл. Но словно какая-то невидимая завеса мешала ей вспомнить и она, пытаясь поймать эту юркую, всякий раз ускользающую ниточку воспоминания, от нетерпения притопнула недовольно ногой. И тут же густой волной покрылась гусиной кожей от голоса, который прозвучал у неё чуть ли не в голове. Голос прервал её мнемонические потуги, его-то она вспомнила сразу с чувством полного доверия и безропотной готовностью подчиняться.

–Ты увидишь и услышишь ровно столько, сколько нужно для начала восстановления твоей памяти. Я пришел точно в срок нашей давней договоренности. – Голос звучал очень спокойно, но был наполнен такой волей и живительно упругой энергией, что казалось, по нему, как по мосту можно было переправиться на другой берег не только реки, но даже жизни. Агата готова была слушать и слушаться этого голоса целую вечность.

Мастер также сказал, что ей нужно осмотреть себя, и она сделала это. Он говорил, что осмотр себя даст начало осознанию, и она откуда-то уже точно знала, что, осознав себя, она перейдет к познанию себя, а, познав себя, она сможет, как Мастер, творить ситуации.

ПЕРЕЗАГРУЗКА

Представить себе, а тем более почувствовать, что ты можешь быть наполнен такой благодатной свежестью, было совершенно невыносимо. Но реальность была такова, что, пробудившись от ночной спячки могучее светило, наверное, направило всю свою солнечную силу в её сторону, и она, наполнившись этой всепроникающей силой света, чувствовала себя юной, искрящейся, взбалмошной. Но это было не все, оказалось, что состояние кипящей молодости непостижимым образом перешло на её тело и лицо. Агата с восторгом смотрела на свое отражение в зеркале и теперь в полной мере смогла понять, что испытывала булгаковская Маргарита, попробовавшая азазельского крема. Девушка не хотела да, видимо еще и не могла, анализировать свой то ли сон, то ли явь. Однако сознание уже рутинно принялось трудиться, перемалывая все события, выходящие за пределы циркуляции коллективного разума, в ранг невозможных, чудных и прочих им подобных.

Сознание в этот раз не угадало. Мастер предвидел такой вариант и оставил на зеркале в ванной комнате жирно нарисованный её любимой губной помадой знак «ОМ», поэтому путь в обыденное забытие суетного внутреннего диалога ей в это незабываемое утро был заказан. Рассматривая размашистые завитки на зеркальной поверхности, Агата обратила внимание на свой за ночь изменившийся взгляд, и подумала, как не о себе, что он перестал быть взглядом обиженной собаки. Он, действительно преобразившись, стал пронзительно светлым и чистым. Это был взгляд, из которого струилась сила. Откуда было взяться этой силе, после изматывающей душу безысходности и тоски, её не волновало. Вообще она как-то легко и быстро привыкала к своему новому состоянию, успевая между тем радостно отмечать и появившуюся вдруг цепкую ловкость в движениях, и живой блестящий перелив в волосах, давно замученных косметическими экспериментами в поисках этого самого блеска. Да за такие чудесные перемены в своем облике, всякая женщина с радостной готовностью уверовала в любую сказку, которую ей бы предложили.

Она и верила, балансируя на какой-то тонкой грани восприятия между миром знакомой повседневности и тем миром, в котором Агата побывала прошедшей ночью. Да еще и этот знак не давал места сомнениям в произошедшем событии, оставленный призрачным фантомом, он был столь же реален, как и зеркало, на котором он был написан. Со странным чувством она осторожно пальцами мазнула по зеркалу и растерла по ладонке оставшуюся на них помаду. Потом все также сомнамбулически медленно поднесла пальцы к лицу и глубоко втянула в себя привычный аромат дорогой косметики. Девушка прислушалась к себе. Сердце билось все так же спокойно, ритм его ничуть не изменился. Утренняя радость все так же солнечным зайчиком прыгала где-то внутри, готовая выскочить наружу неумным протуберанцем восторга. От её депрессии, страхов и тревожного ожидания новой порции душевной боли, не осталось и следа. Агата подумала, что весь трагизм пережитого, вся постоянно растущая масса этих переживаний, огромной лавиной нависшей над её психическим здоровьем оказалась лишь плодом её разнузданного мышления.

Такая мысль требовала продолжения, и она вспомнила чье-то высказывание, зацепившее её когда-то своей необъяснимостью и загадочной простотой, по поводу иллюзорности окружающего мира. Она тут же легко допустила, что раз мир иллюзия, то и она, должно быть, иллюзорна. Сразу почувствовала, как это умозаключение, буквально физически разодрав оболочку, в которую было упаковано её сознание, целенаправленно затягивает её на зыбучую поверхность какого-то другого, чужого ей мировоззрения. И как-то уж совсем буднично поняла, что мысль в её голове звучит мужским голосом.

Когда постижение мира происходит ступенчато, в скорости, близкой с движением коллективного познания, то найденные знания не производят особого потрясения, поскольку малозаметны, как рост собственных детей. Однако прорывом в запредельность выглядит мгновенный приход к пониманию истины на бессловесном уровне. Как поток света, оно проникает в сознание и заполняет его неопишуемым чувством блаженного оцепенения. Искусственные попытки достичь этого состояния, по большей части, бесполезны. Только готовность какого-то иного уровня может открыть человеку эти сияющие врата познания.

Мастер подключился к её мыслительному потоку, намеренно переводя её сознание в нужное русло просветленного состояния понимания искомого. Она сейчас авансом получала порцию эйфории, беспредельного ощущения любви. Не задумываясь более ни о чем, с головой окуналась в волны накатившего счастья. Агата не подозревала даже, что все её недавние трагические экзерсисы будут подвергнуты скорому и скрупулезному анализу. Не ведала о том, какой твердой рукой Мастер будет выстраивать вокруг нее ситуации, в которых ей придется выживать, чтобы, наконец, осознать и принять к безусловному выполнению задачу, ради которой был осуществлен сценарий её воплощения. Еще не знала, что вся её не очень длинная и не очень счастливая жизнь, по сути своей, есть до мелочей продуманный дидактический план, по которому, как по минному полю, она должна была пройти от начала до конца.

Дни потянулись, как горячий сыр на спагетти. Первое время, пока не схлынули впечатления после той незабываемой ночи, Агата чего-то ждала, затаенно прислушивалась к своим мыслям, пытаясь уловить нечто похожее на голос Мастера, но ничего особенного не происходило. Эйфория, штормом накатившая на умытый печалью берег её жизни, незаметно схлынула. Радостно затрепетавший под праздничным ветром надежды флажок самооценки опять затюкано свесился вниз, а ночное приключение она уже с некоторой долей досады начинала воспринимать сновидческим мороком. Однако некоторые происходящие события, не давали ей возможность до конца определиться в вопросе «было или не было».

С какой-то пугающей настойчивостью её ночной сон стал прерываться в один и тот же неурочный час. Пытаясь продлить ночную негу, она крепко жмурила глаза, удобно сворачивалась под теплым одеялом, ребячливо причмокивала губами и замирала в ожидании сонного очарования, а, не дождавшись, начинала крутиться по дивану, раздраженно переключаясь с бока на бок, до ясного понимания, что сна больше не будет. Вот тогда сама собой пришла идея утренних пробежек, и в одну из них, в час, когда весь мир в трепетном почтении замирает перед явлением светила, Агата ощутила острую, до боли под ложечкой, опасность. Опасность приближалась бесшумно и быстро в виде стелящегося в боевой атаке здоровенного ротвейлера. Спущенный с поводка, он обучено заходил со спины. Девушка вдруг с незнакомым для себя приступом яростной отваги, по-мужски ловко развернулась, выбросив руки навстречу приближающемуся на дистанцию прыжка псу. Что-то ужасное, концентрированно черное вылетело из нее, в доли секунды столкнувшись с литой массой науськанных собачьих мышц.

Ротвейлера как будто рубанули по морде дубиной. Перевернувшись через голову, он со всего маха глухо шмякнулся об землю. Уже на боку, продолжая по инерции двигаться в её сторону, пес судорожно сучил в воздухе всеми четырьмя лапами, пытаясь подняться. Вскочив, полностью деморализованный и не понимающий, что с ним произошло, помчался прочь, разрывая утреннюю тишину щенячьим скулежом.

Испытывая внутреннюю дрожь от растекающегося по жилам адреналина, она собрано и без суеты удалилась с этого первого поля боя за свою жизнь. Думала потом с чувством скрытого удовольствия об одержанной победе и боялась анализировать способ, каким эта победа была достигнута. Привыкшая рассчитывать только на себя, она всегда руководствовалась женским инстинктом самосохранения, а это, опасностью мобилизованное откуда-то умение, делало её

в собственных глазах более значительной и уверенной. Однако таких случаев было немного и чудеса не прекращали её унылого самоедства.

Однажды в торопливой суете деловых буден увидела машину Олега, промчавшуюся мимо. Со щемлящим, застилающим глаза слезами пониманием краха своих надежд, ей мало-душно подумалось о возможности возвращения прежних отношений. Но, заметив сидящую рядом с ним женщину, озлобилась мгновенно и, гордо встряхнув копной густых каштановых волос, яростно зацокала каблучками по тротуару.

ВТОРОЙ СОН ВЕДЬМЫ

Лучи солнечного света едва пробивались сквозь разрывы неумолимо марширующих по небу облаков. Воздух вязкий и густой был насыщен запахами живущего города. Но в этом многообразии всевозможных ароматов навязчиво выделялся один. Проникая в человека, он изменял в его организме химическую формулу покоя. Под воздействием этого запаха воин начинал машинально искать свое оружие, женщины истошно звали своих детей, мирный горожанин опасливо прятался за крепкими дверями своего жилища. Запах смерти витал над главной площадью старинного города. О ее казни было объявлено давно и все жители ждали жуткого развлечения.

Ее привезли, как и положено привозить пособницу дьявола, в клетке. В платье из грубой материи, без обуви, с распущенными волосами она все равно не выглядела преступницей. Да и не была она ею. Связь ее с отпрыском сиятельного рода стала известна в его семье. И все бы ничего, но влюбился юноша не в простолюдинку безродную, а в дочь известного в городе цеховика. Прекратить эту связь не удавалась ни уговорами, ни угрозами, ни посулами. Осталось последнее, но самое верное средство – донос. Нашлись свидетели и очевидцы, как еще ее бабка лечила людей, кто-то припомнил, как еще девочкой она потешала взрослых, точно предсказывая, какая погода случится на следующий день. Запущенный подлой интригой ком нелепых обвинений рос, как на дрожжах. Но в ее сердце жила надежда, что все это лишь наваяние. Ведь всем понятно, что в ее любви нет ничего крамольного. Строгие судьи все скрупулезно записали, допросили ее с пристрастием, потом посоветовались и объявили ее виновной в связи с дьяволом.

Сейчас она со связанными руками в шаге от своей ужасной кончины, скользила взглядом по одинаково бледным лицам, собравшихся на ее казнь зрителей. Смотрела, не всматриваясь, успевая проникнуть в суть того, что успевала увидеть. В короткие мгновенья, выхватывая из толпы чей-то взгляд, одним глотком выпивала всю жизнь человека, узнавая о нем все подробности его судьбы.

И если кому-то пришлось бы описывать эти подробности, то это заняло бы у него достаточно много времени. Она видела, что даже по меркам того суда, которому подвергли ее, на площади находились люди, куда более грешные, чем она. Но к столбу, готовому вспыхнуть уничтожающим ее тело пламенем, были привязаны не они. Ее, такую молодую и красивую, готовились предать последней части судилища. Она еще не знала, что пытки, которым подвергли в подвалах инквизиции, лишь толика той нечеловеческой муки, которую уготовила ей судьба. Как не знали и те, кто глумливо собрался на этой площади поглазеть на казнь ведьмы, какое страшное проклятье прозвучит в их адрес из клубов душливого дыма...

...Ее длинные рыжие волосы бились на ветру, точно языки пламени. Сознание, затуманенное от боли и ужаса, угасало. Уже смирившаяся со своей участью, она почти выжженными глазами в последний раз обвела взглядом толпу беснующихся горожан. И вдруг рухнул внутри нее какой-то барьер, до того разделявший сознание и сокровенные тайны ее рода. Тайны, которые обязательно стали бы ее знаниями и силой, проживи она свою жизнь до конца. В этот короткий миг она стала по-настоящему могущественной ведьмой, умевшей одним прикосновением исцелить друга и одним взглядом остановить сердце врага. Из самых потаенных глубин ее существа, из недр истерзанного пытками обнаженного тела поднимался вал доселе неизведанной силы, заглушивший адскую боль.

Она медленно подняла голову, ее сверкающий исподлобья взгляд был устрашающ. Притихшая толпа с нарастающим мистическим ужасом глядела на затмевающий пламя костра свет, исходящий от нее в разные стороны. Ее ненависть неотвратимо накатила на первые ряды

зрителей, и они в панике отшатнулись. Сгорающее на огне прекрасное женское тело вдруг стало источником такой смертельной угрозы, что опасность почуяла даже свора бродячих псов, ожидавших своей трапезы. Их перепуганный вой услышал весь город. Она как будто стала огромной. Огромной настолько, что зрители воспринимали ее нависшей над площадью. Бешеный шар обжигающей энергии с криком исторгся из нее вместе с самым ужасающим со времен сотворения мира проклятием. Точно похоронный саван слова древней магии накрыли обреченный город и его жителей. Чудовищной силы энергия, бьющая из нее, взметнула пламя костра высоко вверх. Оцепеневшая от ужаса толпа увидела, как ведьма, превратившись в огромный факел, в мгновение ока сгорела дотла.

После нее не осталось ничего. Повидавшие многое, потрясенные палачи кинулись ворошить кострище, но поднявшийся вдруг сильный вихрь закружил смерчем пепел, вознес его в серое небо над городом и, опав неожиданно, развеял ее прах над рекой...

...Агата с трудом открыла глаза. За окном была глубокая ночь, темнота густой сажей висела в комнате. Пахло гарью. Она рванулась с дивана, и, чувствуя на теле путы, стукнулась об косяк, заблужила во весь голос, замахала исступленно руками, отбиваясь от ворвавшегося в ее сознание смрадного запаха горящих волос. Паника, оставляя холодный пот на всем теле, постепенно отступала. Судорожно всхлипывая, она смогла немного привести свои чувства в порядок. Никогда в жизни она еще не переживала видения сна так реалистично. Ей подумалось, что, возможно, запах гари затянуло с улицы, и она лихорадочно пробежала по всей квартире, выглядывая в окна. Но снаружи все было сонно и привычно тихо тишиной спящего города.

Переход сознания из трущоб глубокого средневековья в урбанистические кварталы двадцать первого века безжалостно скомкал ее рассудок, доведя до зыбкой грани помешательства. Понемногу привычная мерность окружающей среды возвращалась, а кошмарное видение постепенно переходило в состояние воспоминания и оценки. Приняв в себя глоток виски, она почувствовала, как способность соображать стала возвращаться. Еще один глоток добавил логики в ее рассуждения, и за всеми этими событиями она заподозрила режиссуру Мастера.

—Итак, мне приснился сон. Таких снов мне не снилось никогда. За всю жизнь я не видела ничего подобного.— Агата произнесла это вслух, задумчиво разглядывая на свет содержимое стакана.

Проснувшись, она не мучилась смутными ночными видениями, а помнила все в таких точных и ужасающих своей реальностью подробностях, что в какой-то момент потеряла грань между реальностью своей жизни и этим ночным кошмаром. Это был потрясающий кошмар, кошмар жуткой казни молодой женщины на площади средневекового города. И это не было плодом воспаленной фантазии, начитавшейся или насмотревшейся перед сном ужастиков впечатлительной барышни. Это было воспоминание, пришедшее из сакральных глубин ее памяти. Воспоминание, длившееся до последней минуты страдающего от нестерпимой муки тела. Она была этой женщиной. Агата каждой своей клеткой чувствовала ее страх и боль, знала каждую ее мысль. Она слышала треск костра, удушливый дым драл горло. Она видела ее глазами, до тех пор, пока дым не начал их вытравливать. Она прокричала ее голосом, срывающимся от рвущегося наружу дикого страха и боли, проклятие этому городу, его жителям и детям их детей. И она знала, что проклятие это сбудется.

Обжигающий вкус спиртного вернул, утерянную было, точку опоры в повседневной реальности. Иначе ей уже начинало казаться, что сознание, как призрак, потерянно бродит из комнаты в комнату в доме ее памяти, косолапо ломая привычную картину представлений о мире, в котором она жила. С пронзительной ясностью она поняла, что уже никогда не сможет вернуться к своей прежней жизни. Трансперсональный опыт, полученный в эту ночь, навсегда изменил ее жизнь. Жить так, как она жила раньше, Агата не пожелает ни за что на свете. Ей нестерпимо захотелось узнать о себе той как можно больше. Женщина ей очень понравилась.

лась, несмотря на все ужасные обстоятельства их встречи. Она прикрыла глаза, вспоминая свои видения, и постепенно стала проваливаться в раскрывающуюся гигантским цветком воронку. Ленивой рыбкой скользнула мысль о том, что с «вискарем» надо бы полегче, лекарство еще то. И тут же со стремительной необратимостью почувствовала, как все вокруг закружилась тошнотворным вертолетом...

После той ночи Агата еще несколько раз осознавала себя во сне казненной ведьмой. Сновидческий опыт средневекового бытия мистическим образом наполнял арсенал ее умений в жизни современной. Практика двойного существования сознания пугала и влекла одновременно. Но такой эмоционально насыщенной ее жизнь никогда не была. Она еще не решила радоваться этому или огорчаться, но вот удовольствие от использования новых возможностей испытывать уже начала.

Всегда внутренне отстраненная от самой себя, она и к физическому своему телу относилась с некоторой долей созерцательного равнодушия. Где-то в глубине ее понимания стопроцентной женщины жило твердое знание, что ее женская ипостась не близка ей. Как программной оболочке без системных файлов, ей не удавалось раскрыть проигрыватель своих чувств. От этого страдала коммуникативность на уровне общения полов, делая ее порой неповоротливо тяжелой на проявление нужных эмоций.

Сейчас она в полной мере пила из кубка удовольствия, видя, как реагируют мужчины на нее. Привычная дистанция с сотрудниками противоположного пола растаяла, как пломбир на солнце, в ней проявилось удивительное качество доступной недоступности. Она почувствовала над ними свое зрелое превосходство. А, видя их мозговую размягченность, была снисходительна и вальяжна. В ее жизни появилась настоящая тайна, которая становилась ее силой и знанием. Пытаясь всему найти объяснение, она решила для себя, что где-то внутри нее отказал какой-то предохранитель, и она самопроизвольно стала вспоминать воплощение своего духа в образе знающей ведьмы. Время для этого воплощения было избрано непростое, но активное сопротивление среды делает способности и умения востребованными. Поэтому в той жизни она была неизмеримо более приспособлена к выживанию. До ее понимания дошло, что сознание может легко существовать в предлагаемых условиях. Изменение контекста бытия не изменяло ее самоопределения. Зато пребывание в состоянии реального чувствования в теле другого человека, значительно расширило диапазон ее способности к преодолению сопротивления собственного мозга.

Иногда ей казалось, что, погружаясь через сновидение в воспоминания своей прошлой жизни, она уже в теле колдуньи вспоминала свое нынешнее существование. Это было как-то очень волнующе и необычно, тем более, что через это состояние у нее постепенно начало формироваться умение провидеть. Она стала спокойнее. Хотя за внешним спокойствием и расслабленностью ощущалась растущая сила ее духовного мира. Эта сила делала ее загадочной и таинственно притягательной. А кое-кто из ее обычного окружения даже начинал ощущать рядом с ней тревожащее беспокойство.

Видимо действительно пришел срок, когда к достигшему готовности ученику приходит учитель. И она с жадностью изголодавшегося птенца впитывала в себя все приходящие к ней новые знания. Однако не все было так безобидно. При воспоминании о том яростном крике из разгорающихся языков пламени вся она покрывалась гусиной кожей. Ей было понятно каждое слово того страшного проклятия. И хотелось укрыться от этого ужаса, но как будто кто-то неумолимой рукой возвращал ее сознание в тот самый миг, когда вершилась казнь. И это еще было не все.

Сновидения все более превращались в практику осознанного и желанного путешествия в другой мир. Ее собственный мозг становился инструментом преодоления условностей пространства и времени. И, то ли повинувшись силе, ведущей ее, то ли из женского любопытства, она

решила проследить судьбу участников той истории. Потрясение, которое настигло ее, было не меньшим, чем пережитое сожжение. Круг замкнулся, и все встало на свои места. Она поняла, что эта ее жизнь чрезвычайно значима в череде всех воплощений. Именно сейчас ей представлена возможность работы над ошибками.

Благодаря немыслимой череде событий, она встретила с Мастером и вспомнила себя, а в основном, как она полагала, мужчине своей жизни, она узнала свою любовь из средневековья. Но самое страшное было то, что отчаянными словами ужасающего проклятья она, как путами, связала людей из той эпохи в кошмарный узел кровавой судьбы. Узел этот с тех далеких пор разросся, как раковая опухоль. Она чувствовала, что ей не хватает какой-то важной детали, чтобы мозаика событий сложилась в схему точных действий. То, что такие действия должны последовать, она знала уже точно.

Естественно, первое, что пришло на ум – это вопрос, каким образом можно прекратить действие магического заклęcia. Она знала, что этот шаг требует специальных знаний, и в своих ночных путешествиях в теле ведьмы пыталась найти решение этой задачи. Но тщетно. Черная сила, замешанная на невинной крови, сдобренная незаслуженными муками, ей не давалась.

Одно было хорошо – упорные поиски приносили иное знание. Она по-другому стала чувствовать свое тело и его энергию. Она не была больше брошенной и преданной женщиной. И она во многом постигла стратегию замысловато закрученного сценария ее жизненных событий.

Но все-таки что-то не срасталось в этом затейливом пазле и все ее усилия как волны разбивались о риф неведомой проблемы. Она начинала раздражаться, упрямо долбясь в запертые двери. Напрашивался другой подход. Но Агата закусилась, потратила немало времени и сил, однако, кроме отчаяния не добилаь ничего. Появилось чувство детской обиды на Мастера, она была уверена, что уж он-то мог бы и помочь. Но от него не было ни слуху, ни духу. Ответ пришел неожиданно, как бы сам собой.

КАРМИЧЕСКАЯ ТАЙНА

По старой, еще со студенческих времен, традиции она и еще несколько девчонок с их потока собирались вместе за чашкой кофе, в каком-нибудь уютном заведении. И когда в очередной раз раздался звонок с таким приглашением, она поначалу думала отказаться, но каким-то шестым чувством определила, что эта встреча пойдет ей на пользу.

Но все было как обычно. Банальный женский треп, который, тем не менее, успокаивал и давал чувство востребованности, столь нужное каждому человеку, особенно женщине. Вообще их посиделки в этот раз посвящены возвращению одной из них из туристического вояжа по Италии. После традиционного в таких случаях презентования сувениров и бурного обсуждения удачных покупок, подруга ударилась в рассказы о достопримечательностях Вечного Города. Агата смотрела на подругу, слушала ее, кивала и понятливо поддакивала, где нужно, но интерес ее был в другом месте.

Прямо сквозь подругу, или, лучше сказать, где-то за ее спиной, она видела поразительную картину. Синхронно с ее рассказом о посещении развалин древнего храма, она видела этот храм во всем великолепии своего расцвета и подругу на ступенях этого храма в роли служительницы культа богини Весты.

В этот момент та с придыханием рассказывала, что в услужение к богине Весте приводили маленьких девочек из знатных семей, и это была высокая честь, но за эту честь девочке суждено было сохранять невинность остаток всей жизни, а если случался грех прелюбодейский, то отступницу предавали позору и живьем закапывали в землю. Порой с плодом преступной любви.

Кто-то невидимый иллюстрировал рассказ подруги. Картинка была четкой, яркой особенно в том месте, где юные девочки участвовали в ритуале посвящения, после которого мирские радости для них становились недоступными в обмен на покровительство могущественной богини. Она засмотрелась, пропустив какой-то вопрос, мыкнула что-то невразумительное и, посмотрев на подругу, вдруг ясно поняла, почему той так сложно устроить свою личную жизнь.

Это был настоящий шок. Агата возвращалась домой в такси. И пока болтовня водителя не давала сосредоточиться на увиденном, она сдерживалась от желания разреветься во все горло. Но как только дверь в квартиру осталась закрытой за ее спиной, она злобно метнула свою дорожную сумку на диван. Однако промахнулась. Предмет зависти подруг, пролетев через всю комнату, глухо шмякнулся о стену и, безжизненно раззявив холеное атласное нутро, рассыпался всем своим содержимым по полу. Пнув в сердцах подкатившийся к ногам какой-то блестящий флакончик, она плюхнулась в кресло, всем своим видом выказывая крайнее возмущение.

Причиной таких бурных эмоций был осознанный ею алгоритм работы кармического обета. Видимо, никем не объясненный, запрет на клятвы идет от знания опасности этого мероприятия на клеточном уровне. Поразительно было то, как легко и без сомнений приняла она истинность показанной картины. Ей стало понятно, что свое информационное поле клятва, освященная обрядовым действием, распространяет на человека до последнего дня его жизни. И, как оказалась, продолжает распространять и в последующих его воплощениях. Агате до злобного раздражения показалось это нелепым уже хотя бы потому, что нести ответственность за то, что помнить никак не можешь, по меньшей мере, несправедливо.

Но тут, как будто со стороны, в голове возникла мысль о том, что может быть в этом заложен какой-то иной, непостижимый с обывательской точки зрения, смысл. Сам процесс рассуждений, происходящих в ее голове, завораживал. Мысли, как шары в лузу, посланные умелой

рукой точно ложились в цель. Ей пришло в голову то, что дискретное восприятие жизни, возможно, свойственно только человеку, высший план рассматривает все воплощения, как единый поток энергии, у которого тела – это оболочки, сравнимые с одеждой. Ведь меняя свою одежду человек, не перестает быть тем, кто он есть. И принятое клятвенно на себя обязательство, уже по этой логике, вполне может транспонироваться на последующие перерождения. Такое логическое построение ей понравилось, хотя вопрос для чего такие сложности нужны, пока оставался открытым.

Нервное и умственное напряжение требовало разрядки, и она закурила. Но, сморщившись от вкуса табачного дыма, с подозрением уставилась на сигарету. Если бы не название известного бренда, золотистой змейкой обвивавшее фильтр, она решила бы, что курит физиологические отходы. Как только эта мысль оформилась образно, ей пришлось встречать лихо подкативший рвотный позыв. Злостной курильщицей она не была, однако корпоративные перекуры пропускала редко. Поэтому такая реакция на любимые сигаретки была неестественной.

Заподозрив подвох, она отложила сигареты в сторону. Понимая, что со стороны похожа на полную дуру, на цыпочках прокралась к бару. Достала бутылку виски, удрученно взболтнула содержимое и, состроив уже совсем постное выражение лица, налила полстакана. Она все делала так, как будто в комнате находился кто-то еще и этот кто-то внимательно наблюдал за всеми ее манипуляциями с бутылкой. Играя на невидимую публику, она, балуясь, вытянула губы дудочкой, поднесла их к стакану и, видимо, совсем уже заигравшись, хлебнула сорокаградусную жидкость, как чай. Виски, что называется, попал не в то горло, дыхание перехватило, она закашлялась, захрипела, из глаз брызнули слезы. Махая перед ртом рукой, Агата безуспешно пыталась продышаться. Да, если у нее и был зритель, то он был бы доволен. Бенефис удался. Эта мысль рассмешила ее, однако, ненадолго.

Осознав бесплодность попыток отравить себя никотином или алкоголем, она оставила их, ограничившись чашкой зеленого чая. Этот напиток у наблюдателя отторжения не вызывал и девушка, спокойно попивая золотистую жидкость, вернулась к своим рассуждениям. Вернее к фиксации мыслей, которые теплой волной сами собой появлялись в сознании.

Итак, открытым оставался вопрос о целесообразности сохранения действия клятвы после уходы из жизни ее носителя. Ведь в следующем этапе воплощений эти обещания незримым тормозом накладывались на его жизненный путь, превращая ни в чем не повинного человека в маргинального неудачника или неудачницу с большим духовным потенциалом. Занимаясь экзистенциальной аналитикой, она по-настоящему поняла, как может меняться масть расклада известных событий от простого изменения угла зрения на них. Причем суть происходящего оставалась в принципе прежней, но восприятие мутировало кардинально.

Агата вспомнила свою подругу весталку. Как непросто складывалась ее судьба. В попытках найти свое женское счастье, та использовала всю свою сексуальную одаренность. Быстро привязываясь к очередному сердечному другу, она по какой-то неумолимой закономерности, в конце концов, опять неизменно оставалась одна. Недоуменность от этого постоянства сменяла злость и раздражительность на всех и вся, потом приходила неуверенность и страх и, наконец, покорное ковыляние вслед, за косолапой судьбой.

Плюсом во всей этой истории было то, что ее подруга научилась выживать без иллюзий и зыбких надежд на прекрасного принца со своим гужевым транспортом. После университета она прилично устроилась в крупную кампанию и успела там сделать неплохую карьеру. Поэтому, когда неотвратимо наступало следующее матримониальное фиаско, оно, кроме очередного рубца на серой стене ее несбывшихся надежд, не оставляло вечную служительницу богини Весты еще и у разбитого финансового корыта.

Отсутствие прошлого или наличие вечного настоящего у кармического целибата, как компьютерный вирус, злоредно перестраивает файлы человека, но вместе с тем обирая в одном, в другом дает энергию движения и роста.

Агата вспомнила где-то услышанное или прочитанное, что вино тем лучше, чем суровой были условия для вызревания винограда. Наверное, так оно и есть, но человек не виноград, хотя аналогия была подходящей. Она боялась думать о себе в контексте полученного знания, понимая вместе с тем, что от этого не уйти. Средневековое проклятие inferнально накаляло все мало-мальски значимые события ее жизни, превращая ее существование в постоянную борьбу со страхом потерять завоеванное место под солнцем. Страх выражал высокую степень ее самокритичности, обеспечивая бесперебойное поступление проблем, с которыми нужно было бороться. А собственная самокритичность обуславливалась от рождения всей реальностью, которую воспринимал ее разум. В такой реальности любовь не живет, а проскальзывает дымкой манифестаций. Поэтому, как-то искусственно снизить уровень своей самокритики, возможным не представляется. Она с беспощадной ясностью осознала весь механизм противодействия, с которым сталкивается человек, попавший под пресс сопротивления собственного ума. Индивидуально ориентированная сила которого была направлена на разрушение созидательного потока. Действие равно противодействию. Даже если действие – только мечта или идея.

Ей захотелось прерваться, чтобы прочувствовать эту мысль. Не хватало эмоций, чтобы синхронно переживать, то, что она осознала. К тому же ей не был ясен источник появления в ее сознании столь необычных умозаключений. Решив, что сверхъестественного с нее хватит, она прошла в ванную. Включив на весь напор воду, засмотрелась заморожено на струю, с шумом рвущуюся из крана. Поток гипнотизировал и притягивал. Она, как бандерлог, заколдованный охотящимся питоном Каа, все ближе и ближе склонялась к струе. Шум льющейся воды стал нарастать, превращаясь в мощный грохот, похожий на рев взлетающего лайнера. Ей даже слегка заложило уши и появилось характерное, как при взлете, сосущее чувство пустоты в животе. Сознание, сливаясь с потоком воды, вытекало из тела, неотвратимо всасываясь через раскрывшийся зев астрального мира.

Вдруг все звуки и неприятные ощущения разом пропали, и она, мгновенно забыв о них, ощутила сказочное блаженство обретения чего-то бесконечно дорогого. Как электрическая лампочка, она светила от пронизывающего ее с головы до ног потока любви. Ее здесь ждали всегда, здесь были бесконечно ей рады. Чувство теплого родства рождало в сердце ответную любовь. Все, что находилось за пределами этого чувства, стало ничтожным и мгновенно предано забвению. Она была у себя дома. От избытка эмоциональных переживаний она заливалась слезами, смывающими с ее души заскорузлость безнадежности и угасшей веры. Творение всегда находится под покровительством своего Творца, и, неся на себе все атрибуты образа Его, совершенно априори.

Она не могла видеть обыкновенным зрением человека, как лучистая энергия фантастическими, неопишимо красивыми всполохами и протуберанцами в немыслимом танце кружилась вокруг нее. Но, поскольку чувства быстрее мысли, то чувствами своими она смогла ощутить и понять больше, чем это можно было изъяснить самым совершенным слогом. Впервые в жизни она переживала состояние своего абсолютного совершенства. Здесь, в этом мире, все было безусловным, настоящим и еще понятным. Наверное, так должна чувствовать себя маленькая капля, которая вернулась в лоно океана, чтобы повторить в малом великое, постигая большое через малое.

**LA
VACANZA**

За повседневной суетой как-то обыденно пришла зима, а вместе с ней и некоторое беспокойство, природу которого невозможно было спутать ни с чем другим. Это тревожащее ощущение было зовом нарезанных лыжными кантами горных склонов. Агата давно полюбила рискованные снежные спуски. И без этой дозы адреналина, краски мира уже не казались ей достаточно яркими. Поставили ее на лыжи друзья, заманившие как-то в Домбай. Спортивная от природы, она с каждым своим приездом в горы азартно исправляя недостатки своей техники, достигла приличного уровня катания. Поэтому на предложение составить компанию приятелям-лыжникам, ехавшим в Итальянские Альпы, она, не задумываясь, ответила согласием.

В эту страну она всегда прилетала с каким-то необъяснимым внутренним волнением. Может быть, родина известных модных брендов, глубокими корнями вросшая в сознание каждой женщины, волновала ее на генетическом уровне, а, может, было что-либо еще более глубокое. Во всяком случае, стоя в длиннющей очереди к будке красивого, как Кен, таможенника, Агата не без ехидства отметила, что в Италии, чем меньше аэропорт, тем чванливее представители таможенных и паспортных служб.

В очереди она оказалась за группкой албанских гастарбайтеров. Слепленные блеском золотых пуговиц на кителе величественно шлепающего в их паспорта отметки пограничника, они молчаливым строем проходили через турникет. Однако, в своих нелепых галстуках, одной рукой старательно повязанных на их крепкие крестьянские шеи, и по-армейски коротких стрижах, они выглядели скорее наемниками, чем трудовой помощью экономике Италии.

Когда, наконец, все хлопоты с переходом границы были улажены, и галдящая стая туристов разместилась в автобусе, она прилипла к окну, всем своим существом впитывая мелькавший за стеклом невыразительный пригородный пейзаж. Автобус, пропетляв по дорожным развязкам, потянулся в гору, бодро набирая высоту, словно самолет на взлете.

Появлению своего увлечения горными лыжами она была обязана снежным склонам величественного Кавказа. Как и все сюда приезжающие, она не была избалована местечковым сервисом. Сохранив свою ненавязчивую простоту с советских времен, он с каждым годом активно прирастал только ценами. Поэтому, оказавшись в краю тирольских гномов, древних легенд о народе, когда-то жившем здесь, она была очарована, как ребенок, попавший в волшебную сказку. Погружение в чудо усиливалось, когда ясным, без облаков, утром или на закате, в солнечных лучах, рождалась завораживающе-величественная картина: видимые из окна отеля мрачноватые серо-желтые вершины вдруг фантастически оживали, изнутри загораясь всеми оттенками королевского пурпура. Но то, что произошло с ней здесь, даже со сказкой сравнить было нельзя.

Зная спуски с домбайских склонов наизусть, она могла, наверное, кататься с закрытыми глазами, если б не опасалась поломаться на какой-нибудь ледяной колдобине, встречающихся на редко видеваемой ратрак трассе. Практически идеальные условия альпийского курорта снисходительно расслабили, добавив скорости на виражах. Она начала лихачить и совсем потеряв осторожность, как «чайник» ошиблась при входе в узкий и не очень удобный поворот, одной ногой зацепила целину и ее, будто тряпичную куклу, провернуло штопором, бросило на спину, и понесло в снежном вихре, вниз по склону. К счастью, лыжи, как им было положено, отстегнулись и, скатившись вниз, застряли в пухляке. Покувыркавшись какое-то время по склону, она остановилась с залепленным снегом лицом. Сгоряча не поняла, что с плечом что-то неладно, но когда оперлась на палки, пытаясь подняться, острая боль электрическим током пробилась до самого мозга, замутив сознание. Вымученно улыбаясь, она отвергла разноязыкую помощь, которую предлагали подкатившие люди, однако, встав на лыжи, сразу поняла, что на этот день о катании можно забыть точно. Правая рука висела плетью, и опора на нее была невозможна. Опыт подсказывал, что это только цветочки, пока она разгоряченная, по-настоящему боль еще

не дает о себе знать. Это было, наверное, глупо, но ей ужасно не хотелось связываться с медициной, как не хотелось становиться обузой своим попутчикам.

Все-таки домбайский тренинг сказался, и она смогла, самостоятельно спустившись с горы, благополучно добраться до своего отеля. Уже в номере, осмотрев и ощупав руку, удостоверилась, что кости и связки целы. Все обошлось, видимо, сильным ушибом. Если руку не трогать, то боль практически не беспокоила, а вот с катанием, видимо, придется повременить. Было обидно, ведь лыжный тур недолгий и каждый день ценится на вес золота.

Ночью Агата услышала свое запаленное дыхание, словно она не спала, а бежала кросс на время. Сердце бухало с сумасшедшей скоростью, как перед взятием звукового барьера. При всем этом она продолжала лежать в уютной постели. Она даже открыла глаза и подняла над подушкой голову, но переход от сна к реальности был таким стремительным, что какое-то время девушка всматривалась в темноту, пытаясь навести резкость. Наверное, что-то снилось, но она ничего вспомнить не могла. Тяжело дыша и держась за грудь, она резко села. С улицы не доносилась ни звука, подумалось, что такая тишина в Италии может быть, наверное, только в горах. Все еще держа руку возле груди, Агата опять прилегла и прикрыла глаза. Сердце почти успокоилось, дыхание выровнялось, глаза сами собой закрылись, и она опять задремала.

Очередное пробуждение было резким и тревожным. Первой мыслью почему-то было проверить наличие кольца на пальце. Это был подарок и память, и она с ним никогда не расставалась. Кольца на пальце не было. Мгновенно соскочив с кровати, она лихорадочно стала осматривать все уголки номера. Раздражаясь от нелепости пропажи, комбайном прошлась по всем поверхностям, перетрясла постель, в сердцах ногой пихнула кресло. Кольца нигде не было. Тогда она решила успокоиться, привести себя в порядок, позавтракать и тут вдруг до нее дошло, что в пылу поисков она, энергично перемещая вещи по номеру, совсем не чувствовала неудобства от боли в плече. От неожиданности этого открытия, Агата робко присела на краешек кровати, больше похожей на место падения ракеты, и растерянно потыкала пальцем в, еще вчера нестерпимо отзывавшуюся на такие прикосновения взрывами боли, руку. Потом машинально перевела взгляд на журнальный столик и увидела там свое кольцо.

Она могла поклясться чем угодно, что еще минуту назад его там не было. От удивления ее глаза расширились, а рассудок лихорадочно заметался в поисках объяснения чудесной материализации кольца на столе. Естественно, версию о своей невнимательности, обычно это первое, что приходит на ум в таких случаях, она решительно отмела, стоило только взглянуть на разруху, которую она учинила в номере, разыскивая пропажу. Значит, было что-то другое.

Лыжники, как жаворонки, чтобы первыми прострочить снежную мантию ослепительно белого склона, начинают снаряжаться с раннего утра. Ей же стало не до сборов, потерянно, понимая, что такое никому не расскажешь, побрела в отельный ресторан завтракать.

В ресторане было непривычно многолюдно и, первый раз за все такое суетное утро она посмотрела из окна на горы. Там, наверху, все было затянуто пепельной, невообразимых размеров снеговой тучей. Ее бывалые попутчики, предвидя такую погодную переменчивость, успели взять напрокат машину и сейчас, попивая капуччино, деловито обсуждали преимущества посещения близлежащих, известных своими историческими достопримечательностями городов. Остановили свой выбор на Вероне. Она стеснялась просить, чтобы ее взяли с собой, но они наперебой стали рассказывать, как тяжело кататься, когда из-за снега залепляющего маску как следует не видно трассу под ногами и что ей не остается ничего другого, как ехать с ними. Как будто она отказывалась.

Все средиземноморские города похожи друг на друга, и все абсолютно разные. И не только своей историей, своими соборами, но и особой аурой, присущей только этому месту. Она любила побродить по маленьким улочкам таких городов, впитывая в себя ароматы, доно-

сящихся из открытых тракторий и ресторанчиков, миниатюрных кондитерских, где можно было выпить чашку отличного, как и везде в Италии, кофе.

Их целью было найти дом Джульетты, оставить на стене свою надпись и, загадав желание, потерять медную грудь возлюбленной несчастного Ромео. Легенды удивительная вещь, наполненные верой миллионов людей они становятся неразделимыми с историей. И уже никому нет дела, что балкончик бутафорский, что Шекспир нафантазировал изрядно, главное выполнить обязательный ритуал и с чистой совестью ждать исполнения загаданного.

День выдался пасмурный, но иногда унылая грязно-серая масса облаков расступалась, и с раскрывавшейся пронзительной синевы зимнего неба, на землю к людям золотой монеткой падал солнечный луч. И город, будто задремавший уличный музыкант, увидевший золото, оживлялся на время, теребя свою скрипочку, прибавлял движения, но быстро выдыхался, и только река Адидже, как и тысячу лет, назад неумоимо несла бурные воды между своих берегов, крутой петлей охватывающей город.

Они вышли на городскую площадь, настроение от коротких солнечных инъекций и погружения в романтическую энергетику, витающую в доме Джульетты, было замечательным. Слухом зацепившись за родную речь, она пристроилась к группе соотечественников, вяло общавшихся к истории средневековой Италии под руководством на удивление толкового гида. Парень знал свое дело и, видимо, оно ему нравилось. Великодушно прощая жадный интерес туристов к витринам модных магазинов, он токовал, как тетерев, упиваясь собой: «Не существует мира вне Вероны, а лишь мытарства, пытка, ад...»

«... Кто изгнан отсюда, изгнан из мира, а кто изгнан из мира, тот мертв»: – продолжила она мысленно шекспировскую строчку и поймала себя на странном ощущении, которое родилось у нее с первой минуты нахождения в этом городе. Сейчас это ощущение нарастало все сильнее и сильнее по мере приближения их группы к главной городской площади. Приступом волны холодного огня, рожденной где-то в глубине нее, оно поднималось вверх к голове, и с силой выходило наружу сотрясающим тело ознобом. Нервно клацая зубами, она продолжала вникать в рассказ экскурсовода. По-женски впечатлительной, ей не составило труда ясно представить себе картины безумных деяний властителей того времени. И никак не могла избавиться от подозрения, что сознание этих людей находилось под влиянием каких-то галлюциногенов. Иначе, чем объяснить маниакальную жестокость, идеологически подкрепленную сочинением Шпрингера и Инсистериса, с которой они уничтожали себе подобных. А уж примеры массового каннибализма, когда к палачу выстраивались очереди за частями тела казненного «служителя сатаны», окончательно ввела ее в эмоциональный ступор. Не укладывалось в голове, как не моющаяся, из страха быть причисленной к армии бесовской, дурно пахнущая Европа, рождала гениев зодчества, живописи, музыки и науки. То ли от жалости к людям того времени, то ли от болезненно сдавившей грудь печали, но на брусчатку городской площади она ступила с глазами полными слез. И, чувствуя, как подкашиваются ставшие ватными ноги, побрела бесцельно в сторону от группы, но вдруг остановилась, не в силах сделать еще хоть шаг.

Удивительно, что происходящее с ней ни у кого не вызывало интереса, как будто кто-то закрыл девушку от людского внимания. И даже ее попутчики, увлеченные фотографированием достопримечательностей, забыли о ней, будто Агаты и не было с ними на этой площади никогда. Она присела на корточки и приложила руку к холодному камню брусчатки. Сомнений быть не могло. Это было местом трагической гибели средневековой ведьмы из ее сна. Значит, именно отсюда вылетели стрелы, отравленные ее смертельно разящим проклятием. Сбиваясь от душасших рыданий, она молилась, боясь, что кто-нибудь подойдет и прервет ее.

Между тем антураж современности отступил куда-то за границу восприятия, и девушка видела эту площадь из марева раскаленного воздуха от медленно горящих мокрых вязанок хвороста. «Им мало было меня убить, им надо было видеть мои мучения», – плетью хлестнула злая мысль по сердцу. Но тут сами собой, как будто кто-то взялся диктовать ей, в голову стали

приходить другие слова. И Агата послушно принялась их повторять, понимая, что ради этих слов, слов прощения, она и оказалась сейчас в этом месте. Одновременно, она с пугающей силой чувствовала, что с каждое слово дается все тяжелее. Будто, обугленные жаром, губы и язык перестали подчиняться ей. Слова, как при синестезии, стали кроваво-солеными на вкус и пахли пожаром. Девушка боялась не успеть, и страх гнал по жилам адреналиновую тревогу. В то же время ее рассудок пытался собрать в единое целое картины из разных реальностей, но, видимо, запутавшись окончательно, смешал все модальности восприятия в немислимый коктейль. Она получила возможность ощутить вкус прикосновения, цвет и запах звука. Проникнув сознанием с такого необычного ракурса в явь мира, она чувствовала, как через ее пальцы, касающиеся стьлой брусчатки, струится густая энергия. Пульсируя горячими тромбами, она выплескивалась из ее сердца, заполняла серый камень, кроваво перекрашивая и нагревая его.

Агате казалось, что прошли часы, но когда она подняла голову, то увидела, что ее никто так и не хватился. На оживленной площади никому дела не было до того, чем занимается присевшая на корточки девушка с опущенной головой. Она пришла в себя. Она полностью вернулась в свой мир. Однако, смотрела на него так, как будто сняла затемненные очки и ей стала доступна невидимая ранее сторона бытия. Неверным шагом, боясь даже дышать от бьющих фонтаном эмоций, вернулась к своим приятелям. И уже позже, когда, накручивая спирали по горному серпантину, они все выше и выше забирались в холодное царство снежных вершин, она веселилась вместе с ними, радуясь приятному путешествию и полезным покупкам. Но всю дорогу не могла избавиться от назойливой мысли, что сакральный ритуал на площади был не с ней. А все это – и город, и площади его, и магазины с ресторанами – остались в памяти с сумеречным вкусом какой-то кукольно-картонной театральности. Но вместе с тем, на душе было необычайно легко, как в детстве, когда все ее проблемы жили не дольше ночного сна....

ПОЕДИНОК. ЗАДЕЛ

Свое глубокое погружение в колорит итальянской жизни средних веков они решили отметить настоящим тирольским ужином. Накупили продуктов местного изготовления, вина и, с видом изодранных гурманов, погрузились в океан вкуса. Наверное, единственной их ошибкой было углублять эмоционально-вкусовые ощущения граппой. Под душевный разговор она незаметно до краев заполнила их разморенные организмы, нагрела сознание до своего градуса и начисто убрала всех. Поэтому, очнувшись уже под утро в своем номере, Агата даже не пыталась вспомнить, как она в него попала. Дико болела голова и мучила жажда. Задавая себе и не находя ответа на извечный вопрос – «зачем же так напиваться», она зашла в ванную комнату и со стоном жадно припала к крану, источавшему самую желанную в этот момент влагу на свете. Потом, не ожидая увидеть ничего хорошего, с усилием подняла голову и посмотрела в зеркало. Ожидание оправдалось, а зрелище отрезвило. Порезав тишину отеля на мелкие лоскуты пронзительным визгом, она ухватилась за раковину так, что чуть не оторвала ее от стены. Однако закрыться от открывшегося таким образом зрелища, было невозможно. Живая, невредимая, но с очень печальным лицом и такими же, как у нее, зелеными глазами, ведьма в упор смотрела на нее из зеркала.

Теряя сознание, Агата зацепилась за когда-то понравившееся ей высказывание Абеяра: «ничему не должно верить, если это не подкреплено доводами разума». Эта мысль странно пришла к ней сейчас, когда не верить она не могла, а разум все доводы исчерпал, и ей оставалось только тихо сползти без чувств на холодный кафель...

Можно было предположить, что они оказались в аду. Инфернальные завывания ветра придавали окружающему пейзажу законченный вид чистилища. Периодически из-под дымящейся земли со скудными следами чахлой растительности опасно вырывалось пламя. Линии горизонта не было видно, потому, что не было самого горизонта. Пепельно-мертвое небо сливалось с цветом скалистых уступов. На одном из таких камней с воинственным видом стояла босая, с растрепанными отливающими медью волосами ведьма. Из одежды на ней было мешковатое, из грубой ткани, платье, сквозь прорехи которого ослепительно просвечивала на фоне общего серого цвета ее нагота.

– Мои родители дали мне имя Франческа, но здесь мое имя – Мара. Ты должна знать от кого ты примешь свою гибель. – Голос ведьмы был наполнен гневом. – Я живу в этом мире за свое проклятие, но я не жалею об этом. Ты думаешь, что им, – она резко показала рукой куда-то в сторону, – нужно твое прощение? – Ты хочешь их простить за муку, которую вытерпела я. Понимаешь – я! – она уже кричала, в ярости перекосив лицо. – Я не дам тебе исполнить прощение. Мой приговор им всем – смерть!

– Прощение это нужно, прежде всего, тебе! – Агата чувствовала, что ее голос звучит тускло и неубедительно. – Ведь я – это ты, и сейчас тебе в моем обличье плохо от этого проклятья. Ты же поняла, что смерть – это только переход в другую мерность и пугать ею бесполезно, а вот изрочить жизнь можно.

– А то я не знаю, кто ты и кто я! – ведьма презрительно скривилась. – Я не сомневаюсь, что мы никогда не договоримся.

– Почему? – напрягаясь почти прокричала Агата.

– Потому, что я – темная часть твоей души, которая всегда будет бороться с тобой и когда-нибудь сможет одолеть тебя! – после этих слов Мара, вытянув руки, кинулась на нее. Страшно изменяясь на лету, она обретала архетипический образ смерти с косой...

Агата испуганно моргнула разок. А когда через мгновение открыла глаза, то поняла, что находится в каком-то закрытом помещении, похожем на студенческую аудиторию, с той лишь

разницей, что, кроме нее, слушателей больше не было. За кафедрой находился высокий мужчина в длинных бесформенных одеждах с мудрым лицом и пронзительным взглядом, похожим на взгляд Гэндальфа из «Властелина колец». Она подумала, что, наверное, на нем хорошо бы смотрелся костюм какого-нибудь известного дома моделей. В ту же секунду незнакомец преобразился, оказавшись прямо перед ней в модном классического покроя костюме. Он присел рядом, закинул ногу за ногу и, наклонив слегка голову, посмотрел ей прямо в глаза. «Ну и неплохо было бы...» эту мысль додумать она не успела, потому, что почувствовала, что от этого взгляда ее внутренности решили поменяться местами друг с другом.

– Здесь надо быть очень осторожной со своими желаниями – мужчина говорил очень спокойно и тихо, почти не разжимая губ, – в этом месте реальность тонко реагирует на силу намерения.

Она узнала его по голосу – это был Мастер! Она ни разу не видела его так отчетливо, зато голос помнила во всех нюансах. Преодолев спонтанно возникшую тошноту, она поинтересовалась, куда ее снова занесло. Наверное, в этот день свой лимит на удивления она уже весь израсходовала и поэтому ответ Мастера выслушала совершенно безропотно.

– Это – Безвременье. Особый мир, в котором ты уже раньше была, а сейчас попала сюда в минуту острой опасности. Твои шансы выжить в этой драке с собой в образе ведьмы, весьма невелики. Ты неосознанна, не вооружена, ничего не умеешь.

– А она?

– Там все наоборот. По сути, вы обе одно и то же, только с разных сторон. – Мастер усмехнулся. – Собаку разок напугать во дворе, и сразаться в астральном теле, вещи несопоставимые.

– Так я здесь спасаюсь от себя самой? – она поежилась от этой мысли.

– Не совсем спасаешься, – ей показалось, что он улыбнулся. – Тебе здесь придется изрядно потрудиться.

– А когда я успела здесь побывать? Я такого в своей жизни не помню.

Агата лихорадочно искала подтверждения своей догадке, что все это грандиозный розыгрыш. А может ей подсыпали какой-нибудь галлюциноген, и она заблудилась в воспаленных фантазиях отравленного мозга? Тут же по теме, вспомнилось кое-что услышанное от их эрудированного экскурсовода. Оказывается, отбиваясь чадом инквизиторских костров от привидевшихся бесов, средневековый люд массово галлюцинировал, в то время как настоящие бесы костры эти раздували, да дровишек в них подкладывали, нашептывая мерзость вроде «молота ведьм» в уши их авторам. И виной тому был ржаной хлеб со спорыньей. Той самой, из которой позже был синтезирован ЛСД!

Похоже, что для Мастера ее мыслетворчество загадкой не было. Он смотрел на нее, как в раскрытую книгу. Напомнив девушке о травмированном плече, которое чудесным образом пришло в норму за одну ночь, добавил, заранее улыбаясь ее реакции:

– По твоему времени ты здесь лечилась около месяца.

– Сколько?! – Агата чувствовала, что совсем запуталась, слишком насыщенная выдалась ночка, а выловить из этих странных объяснений хоть что-нибудь толковое было сложно в таком состоянии. – Мне уезжать скоро – жалобно промямлила она, – и совсем уж невпопад добавила, – у меня же работа.

– Это пусть тревожит тебя меньше всего – вкрадчивые интонации его голоса, проникая в нее, убаюкивали. – Ты сейчас в мгновение от своей смерти. И если бы я тебя не выдернул из твоего забытья, то, скорее всего, по результатам вашей девичьей разборки, завтра горничная обнаружила бы твое бездыханное тело, лежащим под раковиной.

И хоть смысл прозвучавших слов сильно разнился с тем, как они были сказаны, она смогла живо представить себе эту картину и ей она не понравилась. Сглотнув спазм в горле, несмело спросила:

– А потом, что было бы потом?

Мастер понял вопрос. Ей было важно узнать не предсказание личного будущего, а то, как развивались бы дальше отношения двух воюющих «я».

– Да носились бы в межвременье друг за другом, пугая всех до скончания времен!

Агата не поняла, шутит ли он или говорит серьезно, но ей представилось, как две разъяренные женщины, словно ожившие иллюстрации большой книги, выясняют отношения между ее страниц. Нигде и никогда не находя себе покоя и пристанища. Вообще, все, что она узнала, находясь в этом странном месте, ее сильно растревожило. И особенное беспокойство вызывало само место, названное Мастером «Безвременьем». Не укладываясь не в одну знакомую ей модель описаний мира, это место стало ее убежищем на то время, пока она не научится отбиваться от враждебных нападков на себя саму. Она с какого-то неопределенного времени стала воспринимать ведьму не как свое отстраненно-далекое воплощение, а как близкую часть самой себя, привязанную кармическими путями к месту ужасной кончины. Эмоциональная сила этого события сделала ее псом-хранителем куска пространства с остановившимся временем. И когда она, снимая проклятие, попыталась восстановить структурную целостность своей души, нейтрализуя в самом источнике его смертоносный яд, то на нее эта самая часть души набросилась, пытаясь уничтожить. Да, было от чего умом тронуться.

Агата полагала, что после всех своих пережитых видений уже ничему не сможет удивляться, так как делала это раньше, но мир на этом беспокойном отрезке жизни, преподносил раз за разом такие сюрпризы, что голова шла кругом. Наметившееся было понимание, а вместе с ним и восприятие устойчивости окружающей действительности, сменялось паническим ощущением пребывания на зыбкой грани между безумной реальностью и реальностью безумия.

С другой стороны, что сделано, то сделано. Она провела ритуал снятия векового груза адски тяжелого проклятия, даже не зная, как это делается. Такое представить трудно, а уж сделать без чьего либо руководства или помощи, и вовсе невозможно. Но она все сделала так, как будто в этом ремесле у нее навык был недюжинный. Возможно ли такое?!

– Возможно! Кстати, обучение твое будет совсем не похожим на то, что ты привыкла понимать под этим словом. – Мастер снова вмешался в ход ее размышлений.

– То есть конспектов не предвидится? – она попыталась пошутить.

– Это я тебе обещаю точно!

Потом он объяснил девушке, что на самом деле она давно уже все знает, что вся информация заархивирована на уровне ее духовных структур. Создав резонанс между работой сознания и этими архивами, она получит то, что ей нужно.

– Иногда сильный стресс инициирует спонтанную разархивацию. – Продолжал Мастер все также невозмутимо. – И человек, чтобы спасти себя, применяет эти знания бессознательно. Ну, а затем фиксируются случаи чудесных выживаний в смертельно опасных условиях или не менее чудесных исцелений.

– А кто будет моим учителем? – спросила она, предполагая ответ, но слова Мастера обескуражили.

– Само пространство, в котором ты находишься, тебя научит. Оно вызывает особые состояния мозговой деятельности, позволяющие вступать в резонанс с полем знаний, а я, – Мастер сделал загадочную паузу, – буду давать некоторые пояснения по ходу учебного процесса.

Принимая неизбежность ситуации, Агата продолжала расспрашивать его, но вовсе не для того, чтобы что-то узнать. За своими вопросами и ответами Мастера она, как за крепостной стеной, старательно прятала испуг и неуверенность маленькой девочки. И если бы за порогом этого фантастического мира ее не ждала смертельная опасность, она позволила бы себе поплакать. Вместе с тем, до щеколки, было интересно слушать Мастера и предвкушать то, какие возможности перед ней откроет это обучение в ее физическом мире. Она даже поймала себя на забавном ощущении, что слова, произнесенные Мастером, имели определенный вкус, и в

отдельных местах его пояснений это чувствовалось настолько сильно, что она сглатывала слюну в приступе неконтролируемой любознательности. Как бы там ни было, но с рождения любой человек привыкает верить своему восприятию. Поэтому, когда Мастер предложил ей самой создать для себя индивидуальную комнату отдыха и защиты, Агата, чересчур критически оценив свои силы, сильно засомневалась в своих возможностях. И ему пришлось терпеливо показывать потенциал намерения в мире Безвременья.

Все-таки, в странном месте они находились. Достигая ее сознания, слова Мастера превращались уже в собственное её намерение. Практически мгновенно вокруг них образовывалась замкнутая цилиндрическая форма. «Так бы в моем мире», – подумала она и тут же поймала строгий взгляд Мастера. Агата постоянно забывала, что он слышал ее мысли, как если бы она говорила вслух.

–Представь кролика, – строго сказал он ей.

Ее мысли вдруг стали крупными и круглыми. Они, как шары в кегельбане перекатывались в голове и, сталкиваясь друг с другом, превращались в дурацкие вопросы:

–Кролика? Почему? Зачем кролика? – задание Мастера показалось ей нелепым.

«А впрочем, какая разница! Хочешь кролика?! Да хоть соловья-разбойника!!!», – Агата почувствовала, что поймала кураж. В этом мире абсурда, возможно, только кролика и не хватает. Пространство и желание в этом необычном месте, словно два разноцветных потока, сливались воедино слабым усилием воли. От этого симбиоза рождалась новая реальность, в которой намеченная цель четко встраивалась в интерьер стремительно развивающихся событий. Похоже, кролик тоже вписался. Штиль холодной уверенности во взгляде Мастера, смотрящего куда-то за нее, сменился на готовность к штормовой опасности. Агата обернулась, но, право, лучше бы она это не делала. За ее спиной был не кролик, за ее спиной был монстр, взращенный разнузданной фантазией до размеров небоскреба. И эта фантазмагорийная тварь продолжала расти!

От мгновенно вошедшего на всю длину кишечника ужаса, она лишь сдавленно вскрикнула, хотя естественной реакцией женщины в такой неожиданной ситуации был бы пронзительный крик. И она сделала бы так, не сомневаясь, если бы была одна. Однако боязнь потерять лицо в присутствии Мастера оказалась сильнее рефлектирующего сознания. Самообладание вернулось с рациональной способностью, лихорадочно перебирая варианты, искать выход из создавшегося положения. Заказ Мастера на создание дидактического кролика, запустил в ней какую-то скрытую силу, ставшую импульсом рождения этого Годзиллы в пространстве, которое должно быть абсолютно чистым и закрытым наглухо от любого агрессивного вторжения. Эта избыточная для таких экспериментов сила, в сочетании с ее эмоциями, породили зоологический кошмар.

Однако, нет худа без добра. Это безумное событие, с головокружительной скоростью разметавшее в клочья ее восприятие действительности, в дальнейшем стало точкой отсчета понимания своих возможностей в управлении реальностью. Хотя ощущение того, что это какой-то затянувшийся «глюк», у нее все еще оставалось. Многие из того, что Агата испытала за последнее время, как-то нехорошо напомнило ей рассказы одного экспериментирующего с «кислотой» знакомого по имени Антон. Балансирующий на краю диапазона привычной действительности, он, иногда откровенничая, потешал ее рассказами о своих блужданиях в лабиринтах иных миров. И эти рассказы, казавшиеся тогда забавным бредом, сейчас в некоторых деталях были поразительно схожи с каруселью бессмыслицы, раскрутившейся в ее жизни.

Категории пространства и времени трансформировали свои координаты восприятия, отчего ее сознание окончательно утратило неизменную прочность своих позиций. Между тем, простая логика подсказывала, что появившийся на свет с такой легкостью кролик-монстр может быть с такой же легкостью лишен лицензии на существование.

– Сотри его, – почему-то шепотом посоветовал Мастер.

– Каким образом? – не отрывая глаз от гиганта, так же шепотом, бестолково спросила Агата.

– Просто, как дождь с лобового стекла, – согнутыми в локтях руками он продемонстрировал работу автомобильных дворников.

Сомневаться, раздумывая об эффективности такого незатейливого метода, времени не оставалось, поскольку чудище неумолимо росло. Уже и назвать его кроликом язык не поворачивался. Поэтому девушка начала действовать по совету Мастера и кролик исчез. Растворился, как туман, но чувство гложущей тревоги осталось

ВСПОМНИТЬ ВСЕ

Изваянное по велению Мастера из информации ее намерения энергетическое убежище, могло легко принимать любую форму и размеры. Продолжая на глазах разваливать привычные концепции работы физических законов, эта структура, находясь там, где нет времени, где отсутствует расстояние, должна была стать ее астральным домом, местом сбора силы.

– Кроме того, ведь оно не привязано к тебе ни энергетически, ни эмоционально, вообще никак, – Мастер назидательно поднял палец, призывая ее внимание, – ему просто суждено стать местом, где можно бесследно исчезнуть с тонкого плана и никто тебя не найдет. Согласись, такие ситуации в жизни случаются.

Агата и не спорила, кивала послушно, с трудом удерживая крупную дрожь, волнами прокатывающуюся по телу. Оставаясь под действием впечатлений от результата своей визуализации, она все-таки смогла запомнить его совет о том, что ей надо замкнуть созданное пространство образ-кодом, чтобы ограничить для всех посторонних доступ к своему укромному уголку.

– Без тебя это убежище растворится в многомерной бесконечности астрала и найти его возможно только при помощи тобой назначенного ключа, потому что он создан энергией твоего намерения. – Мастер строго взглянул на нее, кролик и на него произвел впечатление.

–Для чего такие сложности? – уже томясь назидательностью поучений, ворчливо поинтересовалась она.

–Для того, что в этом случае идентификация становится невозможной для любого следопыта. Ты же не будешь наивно полагать, что твоя активность здесь осталась незамеченной?

–А что по этому поводу здесь будет праздник? – неожиданно дерзко, даже для себя самой, спросила девушка. Не обращая внимания на ее глумливый тон, Мастер методично продолжал:

–Беспечно и глупо будет думать о том, что твое проявление, – скупым движением руки Мастер наметил контур кролика, – вызовет у обитателей этого уровня даже микроскопическое умиление.

И тут в ее голове вдруг с запоздалой настойчивостью запульсировал вопрос о возможных последствиях кроличьей агрессии в их адрес. Вновь Мастер, с удивительной чуткостью, уловил ее настроение. В скупых выражениях, чтобы у нее от избытка эмоций не родилось еще что-нибудь несусветное типа кролика переростка, он рассказал, что все это могло очень плачевно для них закончиться. Оказалось что, утратив способность существования на тонком плане, жить в физическом теле они тоже не смогли бы. Агата тут же подумала о красавчике Нео, воюющим с агентами Матрицы. Но эти воспоминания были прерваны Мастером, сделавшим страшные глаза. В изысканных выражениях он порекомендовал ей тщательно контролировать соединение мыслительных образов с личной энергией.

За всеми этими ученическими хлопотами Агата умудрилась пропустить начало нового акта приключений в стиле фэнтэзи. Мастер, неожиданно потянув девушку за руку, буквально развернул ее в противоположную сторону. Она растерялась и поэтому не сразу разглядела в светлом проеме, терявшемся на границе сделанного недавно убежища, женский силуэт. То, что это не ее средневековый двойник, прорвавшийся сквозь стражей Безвременья, ей стало понятно сразу. Но кто этот новый персонаж, она и понятия не имела. Вглядываясь в зыбкие сумерки, она почувствовала, как ее восприятие заглодело в потоке исходящей от фигуры чувственной силы. Физически осязаемая волна немислимого количества сексуальной энергии, разрушала в прах иллюзию противления ей в самом зародыше. Ее поза расслабленной готовности к молниеносному действию лоснилась звериной грацией. Гипнотически властно заставляя любоваться собою, она парализовывала разум и волю, почти наверняка превращая любого врага в свою жертву, а ее ослепительная нагота совсем не казалась пикантным дополнением

к образу женщины-воина. От этого зрелища пришло твердое убеждение, что если против кролика у нее при помощи Мастера был хоть какой-то, пусть и мизерный, шанс избежать участи гамбургера на вечеринке бойскаутов, то против этой амазонки ловить удачу было безнадежно и даже глупо.

Агата судорожно переступила с ноги на ногу, не решаясь что-либо предпринять, и увидела, как крутая незнакомка повторила ее движение. Смутное ощущение того, что она сейчас что-то поймет, зародившись горячей искрой, моментально озарило ее в тот момент, когда Мастер залился безудержным смехом. Все понятно – это она стояла перед зависшим в воздухе, непонятно откуда взявшимся, зеркалом. Такой Агата себя и представить не могла, поэтому, даже глядя в упор, сразу не признала. Вид от этого у нее стал преглупый, рассмешивший Мастера до слез. А пока она, нравясь себе все больше и больше, с интересом знакомилась со своим астральным телом, он рассказал, что внешность у нее такая из-за аномального количества энергии. Но нашел он ее совсем нагую и дикую, что говорило об узком диапазоне открытого сознания.

В обильном потоке его слов она выловила золотую рыбку понимания того, что еще с их первой встречи, что-то изначально не вписалось в стандартную схему. Процедура поиска в просторах тонких миров призвана математически точно соединить сущность физического мира с двойником из мира тонкого, и сюрпризы здесь не предусмотрены. Однако в ее случае дело обстояло сложнее. Растерянным от этого Мастер не выглядел, но слов тратил чересчур много. Так много, что она начала испытывать легкое чувство тревоги. Мгновенно уловив смену ее настроения, он вновь проявил способность держать ситуацию под контролем, при помощи отвлекающего маневра переключив ее внимание на воинское снаряжение, приготовленное, как оказалось, им заранее.

Уже много позже она узнала, что до последнего момента Мастера мучили сомнения в правильности подобранных доспехов. Слишком большим было несоответствие ее статуса великолепной, но все-таки дикарки, с превосходным воинским снаряжением ранговой ведьмы. По правилам, доспехи должны точно соответствовать астральному профилю героя. Ответственность за ошибку могла стать невыносимой даже для снаряжающего ее Мастера. Однако, в тот момент эти проблемы ее не волновали. Она с женской непосредственностью кинулась примерять всю предназначенную для нее амуницию, инстинктивно стараясь спрятать за боевым снаряжением, прежде всего, свою наготу. Мастер невозмутимо наблюдал за ее суетливым смущением, но когда увидел, что доспехи пришлись впору, облегченно улыбнулся и сообщил, что в этом мире ее зовут Агла. Ее неординарный статус на тонком плане подтвердился, но чтобы полностью в этом убедиться, надо было пройти еще одно непростое испытание.

САХМЕТ

Чтобы перемещаться в мирах Безвременья, никуда для этого ни ходить, ни ездить не надо. Ходило и ездило само пространство. Словно меняющиеся декорации на театральных подмостках, оно помещало героев в искомые обстоятельства места и времени. Поэтому, когда уже обжитое и обустроенное пространство ее астрального жилища сменилось на туманную мглу дышащего опасностью туннеля, она, забыв какой у нее красивый и опасный вид, крепко ухватила за руку Мастера. Туннель, наплывая на них, расширился, и они оказались в просторном зале. По гигантскому размеру этого помещения, трудно было сказать, для каких целей он был предназначен. Но колонны, тяжелой массой уходившие ввысь к своду колоссального купола, мистически давили на восприятие, давая ощущение ничтожности всего сущего. Мягкий свет сочился отовсюду, словно он был физическим свойством всех поверхностей этого зала. Агата уже было открыла рот, чтобы задать Мастеру очередной вопрос, но не успела. Вдруг ее сердце, как стакан со стола, опрокинутый неловкой рукой, полетело вниз и упало, мягко чмякнув там, где срастаются ноги. После этого в груди образовалась пещерно-холодная пустота, заморозившая вопрос на кончике языка. Величественно-необъятная фигура выросла из полумрака прямо перед ними. Умом она поняла, что это просто очень крупная женщина. Однако то, что вместо обычной человеческой головы, на ее могучей шее красовалась львиная, было за границей рассудочного восприятия. Не решив, что делать в первую очередь, бежать или сражаться, она, не разжимая зубов, тихо спросила Мастера:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.